

разумным причинам. У него своя логика и своя правда, и читатель легко понимает их по контексту. Так, во фразе «*Специальность в кармане, а ты ямы рыть*» (В.Шукшин) парню важно было заработать денег на бытовые нужды. Его можно понять и не за что осуждать. Психолингвистический эксперимент показал отнюдь не стопроцентно негативное видение странного положения дел. Так, информация «*У нее было всего 200 рублей на продукты, а она поехала на такси*» вызвала у некоторых опрошиваемых восхищение «широтой души» и «немелочностью» женщины.

Основание для того или иного типа поведения в принципе может быть известно и автору А-высказываний: оно просто реже находит свое словесное выражение, чем в предложениях с союзом НО: – *Эх, сейчас бы антибиотики колоть, больной уж очень тяжелый, а врач не хочет: печень разыгралась, стоп, нельзя!* Указание уважительной причины заметно ослабляет семантику несоответствия.

Наконец, в речи возможны случаи эмоциональных высказываний с союзом НО, адекватных союзу А: «*Иван закричал, кинулся, но – увы! Он так и не смог поймать пуделя*» (А.Н.Толстой). Как видим, противительные предложения подтверждают общую истину о том, что в мире нет ничего абсолютного, а есть тенденции с возможными исключениями из правил.

С.А. Карпужин

Самарский государственный университет

ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД В СОСТАВЕ РУССКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА

В современной русской фразеологии преобладают единицы, имеющие в своем составе глагол. При отсутствии специальной статистики (учитывающей, помимо прочего, границу между живыми и архаичными формами типа *сложь руки, бог весть* и т.п.) такое впечатление возникает уже при беглом просмотре фразеологического словаря [Фразеол. сл. 1986]. Имеются и косвенные свидетельства в виде выборочных подсчетов. Так, в указателе фразеологизмов [Бабкин 1979: 256-261] содержится 337 глагольных и 202 неглагольных единицы.

Насколько нам известно, этот важный структурный компонент фразеологизма пока еще не вызывал интереса ни лексикографов, ни грамматистов. Между тем его изучение в плане аспектуальности, думается, может пролить новый свет и на лексико-грамматическое значение фразеологизма, и на его происхождение, и на употребление. Настоящие заметки, однако, не претендуют на сколько-нибудь законченное освещение данного вопроса – скорее их задача заключается в постановке проблемы.

Исследователи отмечают в качестве одной из категориальных особенностей фразеологизма утрату или редукцию грамматических признаков его компонентов – кроме минимума словоизменительных категорий для связи с контекстом [Молотков 1986: 9, 13; Бабкин 1970: 8-105]. Что касается категории вида, то она, по нашим наблюдениям, утрачивается или редуцируется сравнительно редко. Это бывает с застывшими формами, у которых видовое противопоставление, вместе с другими глагольными категориями (наклонения, залога и др.), нейтрализуется. Например: *ищи ветра в поле, Митькой звали, как знать, комар носа не подточит, несолоно хлебавши, хоть кол на голове теши, чем черт не шутит, черт возьми* и др. (Большая часть использованных в настоящей работе фразеологизмов, иллюстраций к ним дана по указанному [Фразеол. сл. 1986]; некоторые единицы – по [Бабкин 1979]. Заимствованные из основного источника толкования фразеологизмов паспортизируются указанием его страницы). В подобных единицах глагольный вид опознается лишь чисто формально, но он никак не связан ни с лексическим значением фразеологизма, ни с окружающим контекстом. Характерно, что в этом случае фразеологизм может толковаться через опорный глагол противоположного вида. Например: *ищи ветра в поле* – «не вернешь обратно, не найдешь» (с. 187); *несолоно хлебавши* – «обманувшись в своих ожиданиях, не добившись желаемого» (с. 507). Соответственно такой фразеологизм и с контекстом связывается «по-своему», не как глагол в свободном употреблении. Например: «*Полетали мы около часа вдоль фронта и – несолоно хлебавши – [направились] домой* (С. Курзенков, Особое задание); ср. параллелизм видов в свободном сочетании: ...и – не встретив противника – вернулись домой.

Но в основной своей массе глагольные фразеологизмы существуют в видовом противопоставлении; в Словаре А.И. Молоткова [Фразеол. сл. 1986] они оформляются приведением к заглавному фразеологизму с глаголом несовершенного вида (далее – НВ) варианта с совершенным видом (далее – СВ). По заглавному варианту «парный» фразеологизм истолковывается через опорный глагол НВ – как парные по виду глаголы в обычных толковых словарях: *Давать голову на отсечение. Дать голову на отсечение.* – «С полной убежденностью **ручаться** за что-либо» (с. 123); *Менять декорации. Переменить декорации.* – «**Переставать** сердиться, гневаться» (с. 241) и т. д. В таких случаях фразеологизмы – в своем собственном лексическом значении – сохраняют видовые значения глагольного компонента, как общие, так и частные, – причем значения, неотъемлемые от исходной лексической семантики глагола.

Как же обнаружить эти значения? Ответ на этот вопрос требует специальной оговорки. Поскольку проблема семантики глагольного вида в современной русской аспектологии чрезвычайно сложна, представлена множеством решений, здесь привлекается наша собственная концепция вида, как наиболее последовательная и исчерпывающая, а именно – двухкомпо-

ментная семантическая модель категории вида, описанная, например, в работах [Карпухин 2002; 2005; 2006].

Итак, релевантность глагольных фразеологизмов к виду проявляется в речи, и соответственно в базовом для настоящей работы Словаре [Фразеол. сл. 1986], в регулярной вариативности фразеологизмов за счет видового противопоставления тождественных или близких в прототипическом лексическом значении глагольных компонентов. Например: *открывать (открыть) Америку*; *нести (понести) ахинею*; *бросаться (броситься) в голову*; *брать (взять) быка за рога*; *валять (свалять) дурака*; *посып'ать (пос'ыпать) голову пеплом*; *глаза на лоб лезут (полезли)*; *душа уходит (ушла) в пятки*; *почва уходит (ушла) из-под ног*; *мурашки бегают (забежали) по спине*; *сводить (свести) концы с концами*; *трясти (тряхнуть) мошной*; *уходить (уйти) в лучший мир*; *закусывать (закусить) удила*; *чесать (почесать) язык* и т.д. Следует учитывать, что система видов в русском языке заключается в противопоставлении глаголов не только в пределах конкретной видовой корреляции, но в оппозиции любого глагола противоположному виду в целом. Это положение нашей концепции действительно, в частности, для исследуемого материала: аспектуальное значение могут сохранять и те глагольные фразеологизмы, у которых отсутствует вариант с противоположным видом, – независимо от того, имеет ли глагол в свободном употреблении видовой коррелят или относится к так называемым одновидовым глаголам. Например: *переливать из пустого в порожнее*; *проглядеть все глаза* и др.

У фразеологизмов с глагольным компонентом СВ в контексте выявляются следующие частные значения (способы фиксации действия):

1) Фиксация действия начальным пределом:

«Ну, *понес философ свой обычный вздор* [о необходимости защиты лесов, т.е. нечто непонятное и надоевшее слушателям]», – *говорили земцы и уходили курить* (Куприн, Черная молния). Ср. замену фразеологизма его толкованием: ...опять начал «говорить глупости» (с. 276).

В аналогичном видовом значении употребляются: *глаза полезли на лоб*; *мурашки забежали по спине* и др.

2) Фиксация действия конечным пределом:

Я был из тех, кто в Испании допил всю чашу до дна... Я переходил французскую границу, сидел два года во французском концлагере, бежал... (К.Симонов, Кафе «Сталинград»).

Не ломался б над нами теперь [писарь], *не нес бы высоко поганой головы своей. Отогрели змею за пазухой* [вскормили миром] (Мельников-Печерский, В лесах). Значение фразеологизма здесь: проявление заботы о человеке окончилось его неблагодарностью.

Так же: *дойти своим умом*; *привести в себя* и др.

3) Рамочная фиксация действия (ограничение действия начальным и конечным пределами):

– *О чем толковал? – спросил у него другой мужик... – Так, болтал кое-что; язык почесать захотелось* (Тургенев, Отцы и дети).

Так же: *позондировать почву; отдохнуть душой* и др.

4) Фиксация действия одним из моментов в процессе его протекания:

Но у Насти с Машей только теперь развязались языки. Говорили каждая свое, не слушая друг друга, все, что у них накопело (Скиталец, Кандалы). Значение фразеологизма – «кто-либо начинает много говорить» (с. 541). То есть это не начало говорения в принципе, не переход от молчания к говорению, а повышение интенсивности речи, фиксируемое глаголом СВ в условной временной точке.

Так же: *разогнать кровь* (усилить кровообращение); *глаза разгорелись* и др.

5) Фиксация нечленимого действия целиком:

*Наскучив за день несколькими неудачными атаками на обе роты, немцы решили **взять быка за рога** и неожиданно... бросились прямо к командному пункту батальона* (Симонов, Дни и ночи).

Так же: *уйти в лучший мир; открыть карты; увидеть свет* (издаться) и др.

Таким образом, СВ в составе фразеологизма, в соответствии с его значением, представлен всеми пятью возможными способами фиксации действия на векторе объективного времени, реализующими семантический инвариант данного вида. Инвариант СВ заключается в изображении фрагмента действительности в динамике, порождаемой чередованием и взаимоотношением двух компонентов – действия и ситуации: 1-й способ – преситуация (отсутствие действия) → действие; 2-й способ – действие → постситуация (результат, отсутствие действия); 3-й способ – преситуация → действие → постситуация (включение процессного действия в ситуацию); 4-й способ – предшествующая фаза действия → последующая фаза (ситуативность заключается в изменении характера действия); 5-й способ – преситуация → действие → постситуация (изменение ситуации «до» на ситуацию «после» посредством нечленимого действия). Подробнее см. [Карпухин 2005].

Семантический инвариант НВ – обозначение действия в его существовании (экзистенции), следовательно в статике, – реализуется в двух общих вариантах: 1) действие сосуществующее, то есть наблюдаемое, созерцаемое, переживаемое в его протекании, и 2) действие отвлеченно существующее, то есть представляемое, потенциальное, абстрактное, статальное, повторяющееся, ирреальное, оценочное, реляционное и т.д. Подробнее см. [Карпухин 2006].

Примеры сосуществующего «фразеологического» действия:

*Ты это с кем здесь шушукался? – спрашивала Таусия, **продирая глаза*** (Мамин-Сибиряк, Три конца).

Разбудите Кешку! – раздались сердитые голоса. – Он опять лодыря гоняет. – А какой прок в нем?.. Нешто он станет работать (Шишков, Прокормим).

Примеры отвлеченно существующего «фразеологического» действия:
*Если здоровался, краснел так, что любую девочку **вгонял в краску**. Об этом девочки говорили между собой и подсмеивались над Анатолием* (Фадеев, Молодая гвардия).

*Мне ль чего хотеть, Свет государь! **Свое место я знаю*** (А.К. Толстой, Царь Борис).

Подчеркнем еще раз: здесь, как и выше – при рассмотрении фразеологизмов с глаголами СВ, – речь идет о видовой семантике глагола как компонента фразеологического, образного значения, а не о глаголе как таковом – в исходном лексическом значении.

Опосредованно, в качестве мотивирующего фактора, видовое значение участвует в формировании фразеологического значения застывшими глагольными формами, каковые особенно свойственны фразеологизмам, совпадающим по структуре с двусоставными предложениями. Например:

Бог знает – ‘оценка чего-либо как неизвестного, не доступного в данный момент познанию’, мотивируется видовым значением глагола *знать* – ‘существование информации’, в данном случае – лишь у бога.

Кот наплакал – значение ‘ничтожно мало чего-либо’, мотивируется фиксацией перехода действия в гротескно приуменьшенный результат.

*Как аршин **проглотил*** – значение ‘держится неестественно прямо’ (с. 361) мотивируется постситуацией фиксированного действия.

Фразеологизмы обнаруживают также известное в русской аспектологии явление конкуренции (синонимичности) видов. Ср.:

*Бабушка надвое **сказала** – Бабушка надвое **гадала**.*

Все изложенное выше уже в первом приближении демонстрирует органическую связь русской фразеологии с грамматикой, как одно из проявлений национальной специфики того и другого.

Литература

1. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970. 262 с.
2. Карпухин С.А. К проблеме семантического инварианта глагольного вида в русском языке // Русский язык в школе. 2002. № 1. С. 65-69.
3. Карпухин С.А. Семантика совершенного вида // Русский язык в школе. 2005. № 3. С. 81-86.
4. Карпухин С.А. Семантика несовершенного вида // Русский язык в школе. 2006. № 2. С.63-69.
5. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. С. 7-23.

6. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. 543 с.

О.М. Чупашева

*Мурманский государственный
педагогический университет*

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ВИДА ДЕЕПРИЧАСТИЯ¹⁰

Категория вида глагола признается одной из сложных в грамматике. Сложна грамматическая квалификация вида и деепричастия – как форм разных глаголов или как изменяемых форм деепричастия, – а в связи с этим и характеристика аффиксов *-а, -в (-вши, -ши)* как формообразующих суффиксов или как флексий. Этот вопрос и рассматривается в статье. В русской грамматической традиции виды деепричастий признаются формами глагола того или иного вида, а их формообразующие аффиксы – суффиксами. Суффиксами считают названные аффиксы деепричастий зарубежные лингвисты, см., например [Болла, Палл, Папп 1975: 397; Грабье 1978: 240].

Иную трактовку вида деепричастия отстаивает П.А. Лекант. Возражая против неизменяемости деепричастия, ученый утверждает: «Глагольная категория вида представлена в деепричастии видовыми **формами** (выделено автором – *О.Ч.*) со специальными формантами-флексиями *-а, -в (-вши, -ши)*» [Лекант 2007: 37]. Окончаниями считает данные формообразующие аффиксы А.В. Исаченко [Исаченко 1960]. Это, на наш взгляд, небесспорно, и вот почему. Флексия, или окончание, образуя форму слова, имеет, по меньшей мере, два признака: 1) изменяется в парадигме, 2) выражает грамматическое и/или реляционное значение, служит одним из средств связи слов в предложении. Формообразующие суффиксы также служат для образования форм слов, не участвуя, однако, в выражении связи слов в предложении (ср., например, суффиксы прошедшего времени или компаратива). Что касается вида, то деепричастия совершенного и несовершенного вида входят в разные парадигмы разных глаголов, что несвойственно формам одного слова. Если признать деепричастия разного вида их изменением, то встает вопрос о том, какая форма возглавляет парадигму. Вряд ли ею можно признать инфинитив, поскольку деепричастия совершенного и несовершенного вида сохраняют вид разных инфинитивов. Далее – аффиксы *-а, -в, (-вши, -ши)* не участвуют в выражении связей между словами в предложении, деепричастие не употребляется с предлогами, т.е. связь

---

¹⁰ Работа выполнена в соответствии с тематическим планом НИР Рособразования, тема 1.1.08. Мурманский государственный педагогический университет.